В. А. МИЛЬЧИНА

Мильчина Вера Аркадьевна
кандидат филологических наук
ведущий научный сотрудник,
Институт высших гуманитарных исследований,
Российский государственный гуманитарный университет
Россия, 111399, Москва, ул. Чаянова, д. 15
Тел.: +7 (499) 250-66-68
ведущий научный сотрудник,
Лаборатория историко-культурных исследований, ШАГИ РАНХиГС
Россия, 119571, Москва, пр-т Вернадского, д. 82
Тел.: +7 (499) 956-96-47
E-mail: vmilchina@gmail.com

Фланёр в Париже

Аннотация. Предлагаемая публикация — отрывок из готовящейся к печати монографии «Парижане о себе и своем городе: “Париж, или Книга Ста и одного” (1831–1835)». В книгу включены переводы 15 очерков из этого издания. Один из них — «Фланёр в Париже» — заложил основы нового понимания фланёра не как простого зеваки, а как истолкователя окружающей действительности, «семиолога avant la lettre». Знакомство с этим текстом позволяет уточнить то понимание фланёра, которое предложил в своих работах Вальтер Беньямин.

Ключевые слова: Париж, фланёр, «Париж, или Книга Ста и одного», Шарль Бодлер, Вальтер Беньямин

5 ноября 1831 г. из печати вышел первый том 15-томного издания «Париж, или Книга Ста и одного». Издание это, которое растянулось на несколько лет, было уникальным: литераторы объединились, чтобы помочь издателю, оказавшемуся на грани банкротства, и обязались каждый предоставить ему безвозмездно по два текста для публикации. В результате в 15 томах книги оказались напечатаны 256 текстов 172 авторов (включая самого издателя Пьера-Франсуа Ладвока). Ладвока поставил перед авторами задачу описать современный Париж. Вначале он планировал назвать издание «Хромой бес в Париже, или Книга Ста и одного». Тем самым устанавливалась преемственность с романом Алена-Рене Лесажа (1707) «Хромой бес», французским вариантом одноименного испанского романа Луиса Велеса де Гевары (1641); в обоих произведениях бес Асмодей, освобожденный студентом из стеклянного сосуда, где он был заточен, снимает крыши с домов, чтобы показать студенту их внутренности, и это позволяет авторам нарисовать картину нравов своей эпохи. Хромой бес Асмодей в результате из названия выпал и остался лишь на

© В. А. МИЛЬЧИНА DOI: 10.22394/2412-9410-2018-4-3-231-246

виньетке работы Анри Монье, украшающей титульные листы всех 15 томов, но задача изобразить современные парижские типы, места и институции силами множества авторов по-прежнему стояла перед вкладчиками 15-томника. Этому изданию посвящена моя монография «Парижане о себе и своем городе: “Париж, или Книга Ста и одного” (1831–1835)», которая готовится к выходу в издательстве «Дело». Книга состоит из трех частей: в первой рассказана история издателя Ладвока, во второй проанализированы само издание, его содержание, жанровое многообразие, принципы внутренней конструкции и мн. др.; наконец, в третью вошли переводы 15 наиболее интересных и характерных очерков. Один из них, «Фланёр», напечатанный в шестом томе, вышедшем из печати 11 августа 1832 г., предлагается вниманию читателей данной статьи. Очерк этот не подписан, вместо имени автора под ним значится «Фланёр».

* * *

Литература, посвященная фланёру, огромна; с легкой руки Вальтера Беньямина множество исследователей анализируют эту фигуру как центральную в освоении парижского пространства [Burton 1994; Ferguson 1997; Stierle 2001; Gluck 2003; Montandon 2006; Nesci 2007; Lauster 2007; Wrigley 2014; Волчек 2017, Рокамора 2017]. Мы, разумеется, не будем даже пытаться обозреть всю эту литературу целиком, тем более что очерк из «Книги Ста и одного» стоит у самого истока литературы XIX в. о фланёре, и скажем лишь несколько слов об эволюции этого типа в первой половине XIX в.

Фланёр из очерка «Книги Ста и одного» — это человек, который, скитаясь по городу, не просто глазеет по сторонам, а истолковывает увиденную городскую реальность. Однако такой смысл это слово в начале XIX в. получило далеко не сразу. До конца 1820-х годов разница между фланёром и его антагонистом — зевакой (badaud, musard), который просто разглядывает окружающие его диковины, разинув рот и не делая из этого ровно никаких «семиотических» выводов, была почти незаметна[1].

Первый в XIX в. текст о фланёре — анонимная брошюрка 1806 г. «Фланёр в Салоне, или Г-н Простак; Веселый обзор картин с приложением песенок» — описывает как раз такого фланёра, который на самом деле настоящим фланёром не является. Первая часть брошюры изображает день г-на Простака, который ежедневно обходит по одному и тому же маршруту все сколько-нибудь заметные места правобережного Парижа (Тюильри, бульвары, Елисейские Поля), посещает одни и те же кафе и рестораны, рассматривает одни и те же витрины. Вторая часть не имеет прямого отношения к первой; ее составляют записанные якобы со слов г-на Простака короткие отзывы о живописных полотнах, выставленных в Салоне (зале Лувра), с приложением стихов, которые полагалось петь на музыку из того или иного водевиля. Фланёр здесь называется фланёром, но по отношению к сценам городской жизни он, в сущности, просто зевака. Сходная трактовка фланёра нашла отражение в словаре простонародного языка 1808 г., где «фланёр» определяется как «лентяй, бездельник, человек, проводящий время в невыносимой праздности» [D’Hautel 1808: 395].

[1] О разнице между flâneur и badaud см.: [Montandon 2006: 98–102].

Вообще до бальзаковской «Физиологии брака» (1829), где фланированию посвящен один, но весьма выразительный абзац[2], и очерка из «Книги Ста и одного» это времяпрепровождение оценивалось, как правило, скептически. В книге Ж.-Б.-О. д'Альдегье, которая названа «Фланёр, живописная, философическая и моральная галерея всего любопытного и замечательного, что есть в Париже: сочинение завсегдатая Гентского бульвара», фигура фланёра приравнивается к обычному бездельнику:

> Бульвары суть галереи фланёров, именно там можно увидеть, как они прогуливают свою бесполезность пешком, верхом, в тильбюри, в купе, в коляске, в ландо. Видеть и быть на виду — вот зачем происходит все движение на бульваре. А рождается это желание от скуки. Человек занятый его почти не ощущает; если он смотрит вокруг, то только ради того чтобы наблюдать; фланёр же ни за чем не наблюдает, ничего не запоминает; впрочем, я неправ: он наблюдает за формой и цветом фраков, панталон, шляп, это единственное, что сохраняется в его уме, напрочь лишенном мыслей. ‹…› Порой вы замечаете, что фланёр впился взором в некую вещь, и полагаете, что он очень занят? Ничего подобного, он вовсе не погружен в размышления, он нарочно принимает такую позу, чтобы прослыть наблюдателем. Люди такого сорта не знают, ни что они будут делать в течение дня, ни как они этот день закончат. Тысячи идей мелькают у них в голове: они заходят в кафе, потому что заметили там знакомых, едят, не испытывая голода, пьют, не чувствуя жажды, речи их обрывисты и бессвязны [Aldéguier 1826: 186–187].

Такой же легкомысленный и даже бессмысленный зевака, неспособный довести до конца ни одного дела и из-за своей любознательности постоянно попадающий в глупое положение, — герой комедии Дюмерсана, Бразье и Габриэля «День фланёра» (1827).

Еще один любитель дармовых зрелищ — ближайший по времени предшественник фланёра из «Книги Ста и одного», одноименный персонаж из двухтомника Пэна и Борегара «Новые картины Парижа» (1828). Это тот тип, о котором Амедей Помье в очерке «Музеи под открытым небом» замечает:

> Если идет речь о том, чтобы что-нибудь увидеть, парижанин выказывает терпение поистине удивительное; он целые века будет заглядывать вам через плечо, но ни за что не уйдет до тех пор, пока не увидит того, что хотел [Cent-et-un 1831–1835 (8): 112].

По словам современного исследователя, фланёр в «Новых картинах» «довольствуется тем, что бездумно и рассеянно схватывает те детали, что

[2] «О, эти блуждания по Парижу, сколько очарования и волшебства вносят они в жизнь! Фланировать — целая наука, фланирование услаждает взоры художника, как трапеза услаждает вкус чревоугодника. ‹...› Фланировать значит наслаждаться, запоминать острые слова, восхищаться величественными картинами несчастья, любви, радости, лестными или карикатурными портретами; это значит погружать взгляд в глубину тысячи сердец; для юноши фланировать значит всего желать и всем овладевать; для старца — жить жизнью юношей, проникаться их страстями» [Бальзак 2017: 92–93].

случайно попадают в его поле зрения, но никогда не дает себе труда вообразить детали отсутствующие, не говоря уже об отсутствующем целом» [Stierle 2001: 128].

Иначе устроен фланёр из «Книги Ста и одного». Он аналитик, «семиолог avant la lettre» [Burton 1994: 2]; его главное качество — способность истолковывать увиденное в городе, где «все служит ему текстом, достойным изучения». Эта метафора из очерка анонимного Фланёра подхвачена в «Физиологии фланёра» Луи Юара (1841) и в очерке Огюста Лакруа «Фланёр» из третьего тома «Французов, нарисованных ими самими» (1841), где Париж назван «большой книгой», постоянно находящейся перед глазами фланёра. Лакруа исчерпывающе объясняет отличия фланёра от зеваки:

> Фланёр относится к зеваке так же, как гурман к обжоре, как великая мадемуазель Марс к уличной певичке, Шатобриан к публичному писарю или, вернее сказать, Лабрюйер или Бальзак к овернскому или лимузенскому крестьянину, только вчера приехавшему в Париж [Français 1840–1842 (3): 66].

Особенность фланёра в понимании анонимного автора из «Книги Ста и одного», Огюста Лакруа и Бальзака — в том, что он не просто расхаживает по улицам, он занят интеллектуальным трудом наблюдения и разгадывания, причем труд этот производится бескорыстно и совершенно не обязательно воплощается в статьях или книгах[3]. По точному замечанию Алена Монтандона, «фланёр не только собиратель анекдотов, хроникер, журналист (с которым его счел возможным сравнить Вальтер Беньямин), он прежде всего мечтатель» [Montandon 2006: 102][4]. Настоящий фланёр в том смысле, в каком он предстает в «Книге Ста и одного», — это, собственно говоря, автор «парижеописательного» очерка, но такой автор, который не записывает своих наблюдений, поскольку занимается, так сказать, фланированием ради фланирования. Однако «парижеописательные» очерки могут быть ему приписаны: именно так поступил Анаис Базен, один из вкладчиков «Книги Ста и одного», когда в главе «Фланёр», завершающей его книгу «Эпоха без имени» (1833), назвал ее главным источником именно рассказы фланёра. Фланёр гулял по городу, а Базен сидел дома и записывал его рассказы [Bazin 1833 (2): 314–315]. Понятно, что такие рассказы имели большую познавательную ценность, и их, разумеется, нельзя было бы услышать от заурядного зеваки.

Хотя во второй половине XIX в. вновь активизировалось отношение к фланёру как к бесполезному бездельнику (например, именно таким изображен

---

[3] Ср. рассуждение П. Лубье о двойственности фигуры фланёра у Бальзака: он может выступать как потенциальный двойник романиста, человек мысли, а может — как паразит, лентяй и бездельник [Loubier 2001: 153].

[4] Ср. также оценку Присциллы Фергюсон: «Фланёр не просто смотрит, он наблюдает, изучает, анализирует» [Ferguson 1997: 88] и краткую, но точную характеристику: «Он [фланёр] нетороплив, безмятежен и как будто никуда не устремлен, но в то же время не чета праздному гуляке — выделен из толпы, но и объят ею, открыт ее многообразным воздействиям. Его взгляд как будто поверхностен, но в то же время чутко насторожен, а блуждания по городу свидетельствуют не о безделье или потерянности, а о мобилизованности особого рода» [Венедиктова 2018: 69].

фланёр в демократическом «Большом универсальном словаре XIX века» Пьера Ларусса, выходившем между 1866 и 1876 гг.), Бодлер в очерке «Поэт современной жизни» (1863) пишет о фланёре как о наблюдателе и творце:

> Его [поэта современной жизни] страсть и призвание в том, чтобы слиться с толпой. Совершенный фланёр, ненасытный наблюдатель испытывает огромное наслаждение, смешиваясь и сживаясь с людской массой, ее суетой, движением, летучей изменчивостью и бесконечностью. Жить вне дома и при этом чувствовать себя дома повсюду, видеть мир, быть в самой его гуще и остаться от него скрытым — вот некоторые из радостей этих независимых, страстных и самобытных натур, которые наш язык бессилен исчерпывающе описать [Бодлер 1986: 290][5].

Правда, от слова «фланёр», которое, по-видимому, кажется ему чересчур тесно привязанным к легковесной «коммерческой» литературе 1830–1840-х годов, Бодлер немедленно спешит отмежеваться:

> И вот так он ходит, спешит, ищет. Чего же он ищет? Человек, которого я описал, одаренный живым воображением, одиночка, без устали странствующий по *великой человеческой пустыне*, бесспорно преследует цель более высокую, нежели та, к которой влеком чистый фланёр, и более значительную, чем быстротечное удовольствие минутного впечатления. Он ищет нечто, что мы позволим себе назвать *духом современности*, ибо нет слова, которое лучше выразило бы нашу мысль. Он стремится выделить в изменчивой моде скрытую в ней поэзию, старается извлечь из преходящего элементы вечного [Там же: 291–292].

Любопытно, что скептическое отношение к фланёру переняли Н. И. Столярова и Л. Д. Липман, которые в переводе очерка «Поэт современной жизни» в двух из трех упоминаний этого слова заменили его другим: «соглядатай» вместо «фланёр» [Там же: 286]; «бескорыстно любознательный человек» вместо «совершенный фланёр» (un parfait flâneur), а в третьем сопроводили его отсутствующим в оригинале пейоративным эпитетом: «праздный фланёр» вместо «чистый фланёр» (un pur flâneur); они же в «Салоне 1846 года» превращают «бескорыстного фланёра» в «бескорыстного зрителя» [Там же: 84], а «любознательность фланёра» — в «праздное любопытство» [Там же: 124]. Одним словом, переводчицы последовательно принижают фланёра и изгоняют его из русского текста, а между тем для Бодлера эта фигура очень важна.

Очевидно, что описанный Бодлером в «Поэте современной жизни» тип — прямой наследник фланёра из «Книги Ста и одного», того фланёра, чья задача — интерпретировать городские картины, извлекать из них смысл, и прогулка его — прогулка «интеллектуальная», как определяет фланирование по бульварам книга 1840 г. [Niépovié 1840: 26].

[5] Здесь и в следующей цитате из Бодлера разрядкой выделены фрагменты, где я позволила себе уточнить русский перевод, приблизив его к оригиналу; курсивом обозначены слова и словосочетания, выделенные в оригинале Бодлером.

Именно этой «когнитивной» функции фланёра не учитывал Вальтер Беньямин и не учитывают его продолжатели. Как пишет современная исследовательница,

> …когда идеологическая критика [наследники Беньямина] превращает фланёра в социальный тип, символизирующий капиталистическую современность, она не принимает в расчет изначальную рефлексивность взгляда, который он позволяет бросить на общество и на культурный факт, а следовательно, сразу отметает когнитивную функцию очерков 1830–1840-х годов, где фланёр предстает не бездельничающим денди, но двойником активного исследователя общества [Stiénon 2012: 67][6].

Беньямин же трактует мотивы фланёра совершенно иначе; он называет его «наблюдателем за рынком», «шпионом, которого капитализм посылает в мир потребления» [Benjamin 1991: 537–538]. Правда, в другом месте Беньямин признает за фланёром и иные функции: «Фантасмагория фланёра: угадывать по лицам профессию, происхождение и характер» [Ibid.: 540]. Но тут же отказывается от такой трактовки и даже обвиняет ее в лицемерии:

> Нет ничего более глупого, чем ‹…› повторяющийся во множестве книг тезис о том, что фланёр изучает облик людей, чтобы определить по их походке, телосложению или мимике их национальность и социальное положение, их характер и судьбу. Должно быть, велика была необходимость скрыть истинные мотивы фланёра, если пришлось прибегнуть к столь избитым объяснениям. ‹…› Социальная база фланирования — журнализм. Литератор выходит на рынок в качестве фланёра, чтобы себя продать ‹…› и увеличивает стоимость своего труда, включая во время, потраченное на работу, часы досуга, проведенные на бульваре [Ibid.: 541, 559–560].

Беньямин пишет даже, что «последнее воплощение фланёра — человек-бутерброд» [Ibid.: 565], хотя вот уж кому не свойственны ни физиогномический анализ, ни бескорыстное философствование, так это человеку, разгуливающему по улицам с рекламными плакатами на груди и спине.

Впрочем, следует отметить, что понимание фланирования как интеллектуальной прогулки было живо именно в 1830–1840-е годы, а затем у Бодлера даже в тех произведениях, в которых само слово «фланёр» не употребляется, но которые порождены «опытом фланёра» [Stierle 2001: 475; см. также: 488, 493, 511, 516], к концу же XIX в. «фланирование» опять превратилось в простой синоним праздного времяпрепровождения.

* * *

Очерк «Фланёр в Париже» — один из двух текстов в 15 томах «Книги Ста и одного», опубликованных без имени автора. Если во втором случае (автор

[6] Ср. в этой же монографии замечания о «протосоциологической» и «когнитивной» функции фланирования в «панорамической» литературе: [Stiénon 2012: 267–272].

очерка «Тюрьма Ла Форс» назван в подписи Подследственным) эта анонимность легко объяснима, то в случае с Фланёром объяснить ее гораздо труднее. Журналисты-современники предполагали, что автор постыдился открыто объявить о своем пристрастии к фланёрству; «Журналь де Деба» 4 августа 1832 г. корил за это и автора, и издателя:

> Откуда взялся аноним в «Книге Ста и одного», в которой участвуют авторы, кажется, достаточно почтенные для того, чтобы никому не было зазорно явиться в перечне имен с открытым забралом? Предупреждаем г-на Ладвока, что эта вольность весьма дурного свойства. Звание Фланёра ничем не постыдно, и мы знаем людей, которые не отказались бы от него даже в обмен на должность префекта.

Соблазнительно было бы связать эту анонимность либо с пониманием фланёра как «метафоры литератора» [Sieburth 1985: 56], либо с рассказом Эдгара По «Человек толпы», который очень высоко ценил и перевел на французский язык Шарль Бодлер, а также вообще с бодлеровским пониманием фланёра-наблюдателя как «принца, повсюду сохраняющего инкогнито» [Бодлер 1986: 290]. Однако такие объяснения были бы, пожалуй, слишком хитроумными для повествователя очерка из «Книги Ста и одного», хотя рассказчиком здесь и выведен Асмодей (остаток первоначального замысла издателя).

* * *

Circuit… quaerens…[7]

— Наш свет — это огромный театр.

— Асмодей, друг мой, метафора эта очень стертая; ее можно отыскать в десяти проповедях Бурдалу и в пятнадцати — Массийона[8], ведь наши великие писатели заимствуют сравнения у тех профессий, которые им наиболее чужды.

— Мой господин, я, в отличие от них, не имею права на это заимствование и тем не менее хотел бы, чтобы мне позволено было спокойно прибегнуть к нему сегодня: слишком уж точно оно выражает мою мысль.

— Ну что ж, один раз позволю, но пусть он будет последним.

— Наш свет — это огромный театр, где тысяча актеров разного темперамента, одетые в разные наряды, нацепившие маски и благоухающие мускусом, накрашенные и напыщенные, стриженые, завитые, расцвеченные на тысячу ладов, оспаривают главные роли, хотя на деле едва-едва годятся на самые второстепенные. Зрелище, конечно, становится от этого еще более оживленным и любопытным; но что такое зрелище, каким бы пикантным оно ни было в своем разнообразии, если у него нет зрителей? Между тем именно это грозит нашему представлению, где все, от благородного отца до рабочего сцены, который устанавливает кулису, а она скрипит и шатается, — все заботятся почти исключительно о том действии, какое производят сами, и редко-редко когда замечают подле себя или перед со-

[7] Ходит… ищет… (1 Петр. 5:8: «Противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить»).

[8] Оба знаменитых проповедника в самом деле использовали эту метафору: Луи Бурдалу (1632–1704) — в проповеди «О провидении», Жан-Батист Массийон (1663–1742) — в проповеди «О Страшном суде».

бой других людей. Провидение, однако, позаботилось о нас и внушило некоторым многоопытным актерам мысль повести сладкую жизнь фланёра; оно рассадило их в ложах и в партере. Именно о фланёре я, с вашего позволения, и поведу речь. Я расскажу вам о его нравах, повадках, радостях. Я уже указал на то важное место, какое он занимает в цепи созданий общественных. Надеюсь, этого довольно, чтобы привлечь ваше внимание.

Фланёр, потребность в котором прежде всего ощущает всякое зрелое общество, есть, на мой взгляд, высшее выражение современной цивилизации: сказанное не значит, что я веду отсчет его существования с недавнего времени; напротив, я полагаю, что он явился на свет при сотворении мира. В облике змея он бродит по райскому саду; не без гордости я напоминаю, что в самом начале эту роль сыграл мой собрат. Позже, опираясь на посох поэта или кутаясь в плащ мудреца, он обходит возвышенности земного шара, освещаемые первыми лучами нетвердого разума. Это Гомер, посещающий города Древней Греции, собирающий их предания о богах, сражениях и героях и созидающий из этих легендарных рассказов величайшее произведение человеческого воображения. Это Геродот, отправляющийся на берега Нила в паломничество к колыбели науки и художеств своего отечества, дабы сообщить потомству плоды своих любопытных изысканий. Это Пифагор, в своих скитаниях добирающийся до Ганга и, подобно пчеле, производящий свой философический мед из дани, собранной ловкою рукою в тысяче разных мест.

Но эти времена так далеки от нас! Фланёр, каким мы его знаем сегодня, уже не поэт и не философ. Это следствие разделения труда в наших обществах, которые мнят, что они усовершенствовались, потому что состарились. Они предоставляют столь просторное поле для наблюдения, что у наблюдателей не остается ни сил, ни времени ни на какое другое занятие. Итак, смею вас уверить, что мой фланёр, фланёр XIX века, — фланёр и ничто иное. Поначалу он может и должен заниматься каким-то другим ремеслом; но лишь только он берется за ремесло фланёра, оно поглощает его целиком; соперников оно не терпит. Адвокат, который опаздывает на судебное заседание, потому что остановился на Новом мосту поглазеть на представление Полишинеля или на витрины Леребура[9]; врач, который опаздывает к больному, потому что заговорился о политике с художником, встреченным на мосту Искусств, — все это зеваки, но ни в коем случае не фланёры, и я заранее протестую как против их возможных претензий на это звание, так и против льстецов, которые их этим званием наградят.

Родиться фланёр может повсюду; жить он может только в Париже. Я знаю одного иностранца, которого любовь к этому прекрасному званию заставила поселиться во Франции и который, чтобы не покидать нас, по прошествии года отказался переехать в Лондон и занять должность в посольстве, предложенную ему его государем; все дело в том, что он признал невозможным фланирование в городе, где все дома отделены от прохожих широкими рвами; где толпа теснится и толкается на узких тротуарах; где нет набережных, а едва ли не все мосты огорожены вместо парапетов высокими стенами. Итак, фланёр обитает только в тех границах, которые вы мне очертили. Изобразить Париж без него — все равно что изобразить палату депутатов без генерала Д…, бал без княгини Б…, а заговор — без тех добрых людей, которые утверждают, что последние шестнадцать лет не занимались ничем, кроме подготовки заговоров.

[9] Ноэль-Жан Леребур (1761–1840) — оптик, торговавший в лавке на площади Нового моста; с 1827 г. ему помогал сын Ноэль-Пэмаль.

Спешу сделать здесь одно уточнение: постоянное пребывание в Париже не способствует воспитанию фланёра, и, по правде говоря (ибо, обращаясь к великой нации, надобно говорить всю правду), самые замечательные фланёры рождались порой под чужими небесами. Вспомним хотя бы Гамильтона: шотландец по происхождению, ирландец по рождению, он писал на нашем языке и оставил сочинения, блистающие тем легким изяществом, той пикантной и простодушной веселостью, какие, кажется, и представляют собой отличительные черты французского гения[10]. Сделаем же вывод, ибо я обожаю делать выводы, что в наших привычках, в нашем складе ума, во всех богатствах нашей цивилизации и нашей литературы есть нечто изысканное, неуловимое, доступное лишь тем, кто не сводит с нас глаз, и поражающее особенно живо того, кто взирает на все это целиком.

Но вы хотите глубже погрузиться в изучение фланёра. На сей раз мне нет необходимости упражняться в опасном искусстве срывания крыш с домов и посвящать вас в тайны частной жизни. Существование фланёра проходит вне дома; фланёр живет на свежем воздухе. Он задохнулся бы и ничего не разглядел, живи он даже в том стеклянном доме, в каком мечтал жить самый доверчивый из философов[11]. Это растение, которое погибло бы в теплице и может здравствовать только под открытым небом.

До тех пор пока он не пересек порога своего жилища, фланёр — такой же человек, как все прочие: отставной генерал, заслуженный профессор, бывший негоциант, дипломат за штатом, — все мы таковы или таковыми будем. Но стоит ему ступить на тротуар, почуять пыль бульвара или туман Сены, как он приступает к делу и только после этого становится нам интересен. Фланёр, в сущности, не имеет дома; что бы он стал там делать? Он холостяк или вдовец или, по крайней мере, хочет себя в этом убедить; я встречал таких фланёров, у которых необходимость обзавестись этой иллюзией была первым и, быть может, единственным призванием.

Вот он, мой фланёр — шествует с зонтиком под мышкой, заложив руки за спину; смотрите, как свободно он движется среди толпы, которой служит центром, хотя она об этом не подозревает! Кажется, все вокруг него идет, бежит, сталкивается лишь ради того, чтобы занять его взор, пробудить его размышления, оживить его существование этим движением, без которого его мысль чахнет. Ничто не ускользает от его пытливого взгляда: новое расположение предметов в витрине роскошного магазина, новая литография, впервые предъявленная публике, новые этажи здания, которое, казалось, никогда не будет закончено; новое лицо на бульваре, где он знает каждого обитателя и каждого обывателя, — все интересует его, все служит ему текстом, достойным изучения. Поэтому он ступает совсем медленно и порой возвращается назад, он выходит на улицу ради того, чтобы находиться на ней, тогда как другие выходят на нее лишь для того, чтобы попасть в другое место! Окруженный людьми, которые, кажется, весь день пытаются наверстать ту

[10] Антуан (или Энтони) Гамильтон (1646–1720) — шотландский католик, родившийся в Роскрее (Ирландия); провел много времени во Франции и оставил сочинения на французском языке; самые знаменитые из них — сказочные повести, сочиненные им в конце жизни, во время пребывания в Версале, и впервые изданные посмертно, в 1730 г.

[11] Возможно, имеется в виду римский трибун 91 г. до н. э. Марк Ливий Друз, о котором в «Римской истории» Веллея Патеркула (II, 14) запечатлено следующее предание: зодчий предложил построить ему дом, «незаметный и недосягаемый для свидетелей», но Друз ответил: «Если только позволяет твое искусство, расположи мой дом так, чтобы все мои действия могли бы видеть все» [Малые римские историки 1995: 31]. Ср. то же: [Chaudon 1806: 34].

четверть часа, какую потеряли утром, он один самостоятельно распоряжается своим временем и самим собой; он наслаждается возможностью дышать, смотреть, сохранять спокойствие среди всеобщей торопливости и суеты, одним словом — жить; так турок, сидя на константинопольском кладбище, хмелеет от испарений опиума, клубов дыма, слетающих с его уст, и благоуханных азиатских ветров.

О, если у вас есть свободное время, подойдите к фланёру поближе. Любая мелочь послужит вам предлогом для того, чтобы завязать с ним беседу. Его улыбка вас к этому приглашает; довольно одного слова, одного пустяка. Право, вы не раскаетесь в том, что заговорили с фланёром. Сколько интересного вы от него узнаете! В каком неожиданном свете предстанет перед вами, благодаря такому толкователю, переменчивая панорама, вас окружающая! Каждый прохожий получит имя; каждое имя повлечет за собой анекдот. Заметили вы, что когда ворота вон того особняка на углу бульвара закрывались за роскошной каретой, на втором этаже отворилось элегантно занавешенное угловое окно? Нет, конечно; ведь ни в закрывающихся воротах, ни в приоткрывающемся окне нет ничего удивительного, ничего нуждающегося в пояснениях. Нет — для вас и для меня; другое дело фланёр! Он предлагает вам внимательно посмотреть в ту сторону. «Минута, — говорит он, — и маленькая ручка поставит на подоконник бенгальскую розу; вчера там стоял горшок с фиалками, и это было совсем другое дело». В самом деле, маленькая ручка показывается, словно повинуясь его словам, и тотчас прячется: в окне остается только роза. Фланёр смотрит на вас с многозначительным видом, а вы, если, конечно, желаете сойти за умного, отвечаете ему легкой улыбкой, пребывая в уверенности, что в целом свете заметили и поняли этот маневр только вы с ним. Однако, чтобы вы не слишком загордились, он взглядом указывает вам на молодого человека, который еще недавно что-то читал, растянувшись на стуле неподалеку от вас. Он тоже все видел, хотя смотрел в другую сторону; он встает с рассеянным видом и исчезает в толпе, где вы из деликатности позволяете ему раствориться.

Впрочем, не думайте, что фланёр всегда так охотно выставляет напоказ свою проницательность. Он проводит свои дни слишком безмятежно, чтобы стремиться отравлять своим лукавством покой окружающих. Он просто доказал этим сообщением, насколько он вам доверяет; будьте же достойны доверия фланёра и, по его примеру, пять минут спустя забудьте все увиденное. Вообще, стоит вам хоть на мгновение отвлечься от наблюдений, и вы очень многое потеряете. Фланёр же не отвлекается никогда. У него всегда есть в запасе слово, вопрос, приветственный жест рукой или кивок головой всякому хоть сколько-нибудь элегантному существу в этой постоянно меняющейся толпе. Здесь он задаст насущнейший вопрос, на который не дослушает ответа; там продолжит разговор, начатый на этом месте добрую неделю тому назад. Не пытайтесь что-нибудь понять в этом обмене репликами, особенно если собеседницей фланёра стала хорошенькая женщина. Мерцание калейдоскопа не так переменчиво, не так капризно, не так разнообразно, как причуды его ума. Вы можете продолжать наслаждаться его блеском; можете удалиться — будьте уверены, фланёр этого не заметит; можете уйти по своим делам — не сомневайтесь, вы найдете его не дальше, чем в ста шагах от того места, где с ним расстались, если вернетесь до того, как наступит час обеда, который положит конец прогулкам. Но что это за оживление в начале улицы Гранж Бательер? Куда бегут все эти люди, у которых на лицах написаны озабоченность и любопытство? Говорят, подле таможенных складов возникла какая-то смута; говорят, там поймали неудачливых грабителей, а те именем Июльской революции заклинают толпу их освободить. «Вы идете?» — спрашивает нашего фланёра один из тех,

кто направляется туда. Тот возмущен: «Неужели я похож на зеваку?» Ответ, проникнутый справедливым чувством собственного достоинства и избавляющий от необходимости подчеркивать глубокое различие между фланёром и зевакой.

Хотя в саду Тюильри, на набережных Вольтера и Лувра и в Люксембургском саду полным-полно весьма почтенных фланёров, бульвар между улицами Монблана и Ришелье, где, как я полагаю, вы расстались с нашим фланёром, есть его истинная родина[12]. Он с неохотой покидает эти края, и если какой-нибудь общественный долг, какое-нибудь серьезное дело призывают его пересечь Рыбную улицу, он двадцать раз за одно утро очень решительно собирается в дорогу и двадцать раз не уходит дальше пассажа Панорам[13]. Я могу предъявить доказательства этого утверждения, но лучше поверьте мне на слово.

Если фланёру удается отклонить приглашения на обед (а фланёр нарасхват, ведь он многое повидал, он прекрасный рассказчик) и действовать по собственной воле, он отправляется обедать в ресторан. В какой? Он и сам не знает заранее. Самое незначительное происшествие: пролетевший листок, хорошенькая ножка, тонкая талия, которую он не хочет потерять из виду, — определят, в какую сторону он двинется; впрочем, куда бы он ни пошел, он везде будет себя чувствовать в родных краях. Его появление в «Парижском кафе», у Вери, у «Провансальских братьев»[14] становится почти событием. Дама за конторкой улыбается ему, как долгожданному другу или как изменнику, которого никто уже не надеялся увидеть, и оттого улыбка ее становится лишь более пленительной. Служители принимают фланёра с исключительной предупредительностью; ему отводят самое удобное место; наливают его любимого вина, подают его любимые блюда. Не успеет он усесться за стол, как уже заводит задушевный разговор со своими соседями. Трапеза его затягивается, но он всегда сохраняет умеренность. Фланёр никогда не погрешает против ее законов, ибо дорожит своим здоровьем: разве может он заболеть? Представьте себе фланёра, прикованного недугом к постели: с таким же успехом можно вообразить его в могиле. Постойте! Он бросает взгляд на часы, а рукой легонько ощупывает подбородок, чтобы понять, не слишком ли отросла борода и может ли он в таком виде явиться в чьей-нибудь гостиной. По счастью, ответ оказывается довольно жестким, а это значит, что фланёру лучше отправиться в театр. Мы последуем за ним. Если бы он решился отправиться на роскошный бал, мы бы с ним расстались. В этом случае он утратил бы свою оригинальность, перестал быть тем типом, который нас интересует, ибо в подобных собраниях всякая индивидуальность растворяется в условленных манерах и заученных речах.

Чтобы иметь право бесплатного входа на представления, фланёр приобрел акции несколько театральных предприятий. Он пересекает порог театров, не платя и не называя себя, как будто возвращается домой. У нас таких привилегий нет,

---

[12] Речь идет о самом модном парижском бульваре — бульваре Итальянцев. Улица Монблана в 1816 г. была переименована в улицу Шоссе-д'Антен, однако автор называет эту главную артерию нового и модного квартала финансистов и людей искусства ее старым именем.

[13] Пассаж Панорам отходит от Монмартрского бульвара — следующего после бульвара Итальянцев, если двигаться по бульварам на восток, в сторону площади Бастилии. За ним следует Рыбный бульвар, а за ним, после пересечения бульварного кольца и Рыбной улицы, — бульвар Благой вести; об этих местах Бальзак писал: здесь «физиономия бульваров резко меняется ‹…› Уже не заметно изящества у прохожих, хорошо одетые дамы здесь чувствуют себя неловко, художник и светской лев не отважатся появиться в этих местах» [Бальзак 1951–1955 (15): 199 (пер. Б. А. Грифцова)]; здесь тон задавали не денди, а лавочники.

[14] Перечислены лучшие парижские рестораны; первый из них располагался на бульваре Итальянцев, второй и третий — в Пале-Руаяле.

придется купить билет в партер. Мы заняли свои места. Кого вы ищете? Фланёра? Да ведь он никогда не входит в зал. Неужели он заключит себя в эту тюрьму, где так много света и так мало воздуха, где вокруг зрители и зрительницы, соседство с которыми более или менее стеснительно? Нет, фланёра сюда не заманишь. Его место — в фойе; он размещает свой штаб именно там. Пока длится представление, он прогуливается, заглядывает в ложи, болтает с капельдинершами. Видите, он остановился у входа на галерею? Он слушает арию в исполнении Рубини, но я очень сильно сомневаюсь в том, что он дослушает ее до конца. Ведь его развлекает множество мелких происшествий. Одно семейство явилось слишком поздно и не попадет на свои места, если фланёр не замолвит за него словечко перед суровой капельдинершей. Одна чересчур чувствительная зрительница так разволновалась, что выбежала из зала, и фланёр должен прийти ей на помощь. Можно подумать, что в театре он — хозяин, принимающий гостей. Занавес падает; в антракте коридоры и фойе заполняются зрителями. Тут-то и начинается представление для фланёра: среди всей этой толпы, которая болтает, смеется, клубится, он чувствует себя, как рыба в воде; о пьесе он судит по разговорам публики, ведь он вкушает удовольствия понаслышке, изучая то воздействие, которое они оказывают на других, и разделяя чувства этих других примерно так же, как наслаждаются балом люди, которые не танцуют.

Политические события фланёра не затрагивают; он, пожалуй, мог бы извлечь пользу из революций, обновляющих для него поле наблюдений, но он не настолько эгоистичен, чтобы их любить. Вдобавок бунт, бунт отвратительный и нелепый, приводит его в ужас; он готов сделать любой крюк, лишь бы с ним не повстречаться, но всегда ли это возможно? С помощью тщательно продуманной кампании фланёр пытается разминуться с бунтом; ради этого он готов на всё, даже, если потребуется, на отступление в район Ботанического сада[15], но тут звучит сигнал сбора. Меж тем фланёр знает свой долг и верен ему. Он еще не достиг того счастливого возраста и не занимает ни одну из тех желанных должностей, которые определяют мужчину в запас и позволяют избежать дежурств в национальной гвардии[16]; вздыхая, фланёр обряжается в мундир; неспешной походкой он направляется к месту сбора. Можете ли вы понять все мучения, какие он испытывает, обреченный маршировать между двух солдат, своих сограждан, вынужденный идти с ними в ногу, отказаться от всякой свободы передвижения, от всякой внезапности в выборе маршрута? Перед собой он видит две-три спины и султан своего капитана, больше ничего. Поэтому при первой же возможности он избавляется от этого жестокого принуждения и во время остановки фланирует между гвардейцами. Между тем выясняется, что бунт подавлен; фланёр выдержал испытание до конца. Он счастлив и горд своей решимостью, однако родина никогда не сумеет оценить в полной мере все жертвы, на какие он пошел ради нее.

Весна уже почти закончилась; деревья на бульварах, в саду Тюильри и на Елисейских Полях покрылись пылью. Люди, именуемые светскими, уезжают из города. В Париже остается от силы семь или восемь сотен тысяч жителей, которые стыдятся своей нерасторопности[17]. Теперь подобающую ему среду фланёр может

---

[15] Ботанический сад в левобережной части Парижа считался кварталом совсем не модным, и потому отступление туда было бы со стороны фланёра большой жертвой.

[16] От службы в национальной гвардии были освобождены духовные лица, депутаты, военные и судейские. «Счастливый возраст» наступал после шестидесяти.

[17] Замечание звучит иронически, поскольку в 1831 г. население Парижа составляло 786 тысяч жителей.

обрести только на водах. Но мы туда за ним не последуем. Я верен своему правилу и никогда не выхожу за заставы. Впрочем, мы можем присутствовать при отъезде фланёра. Однажды мне довелось увидеть, как уезжает один фланёр, выдающийся, лучший из лучших. Коляска была готова; внутри и снаружи царил абсолютный порядок, плод величайшей предусмотрительности. Слуга, закрыв дверцу за своим господином, удобно устраивался на своем сиденье, когда между кучером и фланёром состоялся следующий диалог:

К у ч е р. Куда едем?

Ф л а н ё р. Куда хочешь, друг мой.

К у ч е р. Куда я хочу?

Ф л а н ё р. Да, разумеется.

К у ч е р. Да мне все равно.

Ф л а н ё р. Как! У тебя нет никакого любимого направления?

К у ч е р. Нет, сударь.

Ф л а н ё р. Подумай хорошенько. Неужели у тебя нет матушки, сестрицы, старого дядюшки, от которого ты ждешь наследства? Неужели ты не хочешь повидать своих родных в Ле-Бурже, Сен-Дени или Шарантоне?

К у ч е р. И впрямь, у меня кузина Виктория живет в Севре.

Ф л а н ё р. Так вперед, в Севр.

И таким образом маршрут путешествия был выбран.

По правде говоря, неожиданности уже занимают так много места в делах нашего бренного мира, что я не понимаю, отчего бы и нам, подобно фланёру, не положиться на них во всем раз и навсегда. Смело можно утверждать, что результат выйдет не хуже, чем от людских предвидений.

Литература

Бальзак 1951–1955 — *Бальзак О. де.* Собр. соч.: В 15 т. М.: ГИХЛ, 1951–1955.

Бальзак 2017 — *Бальзак О. де.* Мелкие неприятности супружеской жизни / Пер. с фр., вступ. ст. и примеч. В. А. Мильчиной. М.: Нов. лит. обозрение, 2017.

Бодлер 1986 — *Бодлер Ш.* Об искусстве / Пер. с фр. Н. И. Столяровой, Л. Д. Липман. М.: Искусство, 1986.

Венедиктова 2018 — *Венедиктова Т. Д.* Литература как опыт, или «Буржуазный читатель» как культурный герой. М.: Нов. лит. обозрение, 2018.

Волчек 2017 — *Волчек О.* Топология города и повествовательные маски у По, Бодлера, Достоевского // По, Бодлер, Достоевский: Блеск и нищета национального гения / Сост. С. Фокина, А. Ураковой. М.: Нов. лит. обозрение, 2017. С. 68–78.

Малые римские историки 1995 — Малые римские историки. Веллей Патеркул. Римская история. Анней Флор. Две книги Римских войн. Луций Ампелий. Памятная книжица / Изд. подгот. А. Немировским. М.: Ладомир, 1995.

Рокамора 2017 — *Рокамора А.* Одевая город: Париж, мода и медиа / Пер. с англ. К. О. Гусаровой. М.: Нов. лит. обозрение, 2017.

Aldéguier 1826 —*Aldéguier J.-B.-A. d'.* Le Flâneur … par un habitué du boulevard de Gand. Paris: Chez tous les marchands de nouveautés, 1826.

Bazin 1833 — *Bazin A.* Époque sans nom: esquisses de Paris 1830–1833. T. 1–2. Paris: A. Mesnier, 1833.

Benjamin 1991 — *Benjamin W*. Gesammelte Schriften. Bd. 5. Teil 1. Frankfurt am Main: Suhrkamp, 1991.

Burton 1994 — *Burton R. D. E.* The flaneur and his city: Patterns of daily life in Paris, 1815–1851. Durham, England: Univ. of Durham, 1994.

Cent-et-un 1831–1835 — Paris, ou le Livre des Cent-et-un. T. 1–15. Paris: Ladvocat, 1831–1835.

Chaudon 1806 — *Chaudon L.-M.* Dictionnaire universel, historique, critique et bibliographique... T. 6. Paris: Mame, 1806.

Ferguson 1997 — *Ferguson P. P.* Paris as revolution: Writing the Nineteenth-century city. Berkeley: Univ. of California Press, 1997.

Français 1840–1842 — Les Français peints par eux-mêmes; encyclopédie morale du dix-neuvième siècle. T. 1–9. Paris: Curmer, 1840–1842.

Gluck 2003 — *Gluck M.* The flâneur and the aesthetic: Appropriation of urban culture in mid-19th-century Paris // Theory, Culture and Society. Vol. 20, N° 5. 2003. P. 53–80.

D'Hautel 1808 — [*D'Hautel Ch.-L.*]. Dictionnaire du bas-langage, ou Des manières de parler usitées parmi le peuple... Vol. 1. Paris: D'Hautel, 1808.

Lauster 2007 — *Lauster M.* Sketches of the Nineteenth century: European journalism and its physiologies, 1830–50. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2007.

Loubier 2001 — *Loubier P.* Balzac et le flâneur // L'Année balzacienne. 2001. Vol. 2. No. 1. P. 141–166.

Montandon 2006 — *Montandon A*. Pour une socio-poétique de la flânerie // Promenades et écriture / Sous la dir. A. Montandon. Clermont-Ferrand: CRLMS, 2006. P. 93–106.

Nesci 2007 — *Nesci C.* Le flâneur et les flâneuses: les femmes et la ville à l'époque romantique. Grenoble: ELLUG, 2007.

Niépovié 1840 — *Niépovié G.* Études physiologiques sur les grandes métropoles de l'Europe occidentale. Paris. Paris: Charles Gosselin, 1840.

Sieburth 1985 — *Sieburth R*. Une idéologie du lisible: le phénomène des «Physiologies» // Romantisme. Vol. 15. No. 7. 1985. P. 39–60.

Stiénon 2012 — *Stiénon V.* La littérature des physiologies: sociopoétique d'un genre panoramique, 1830–1845. Paris: Classiques Garnier, 2012.

Stierle 2001 — *Stierle K.* La capitale des signes. Paris et son discours. Paris: Éditions de la Maison des Sciences de l'homme, 2001.

Wrigley 2014 — *Wrigley R.* The Flâneur abroad: Historical and international perspectives. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing, 2014.

The Flâneur in Paris

Milchina, Vera A.
PhD (Candidate of Science in Philology)
Leading Researcher,
Institute for Advanced Studies in the Humanities,
Russian State University for the Humanities
Russia, 111399, Moscow, Chaianova str., 15
Tel.: +7 (499) 250-66-68
Leading Researcher,
Laboratory of Historical and Cultural Studies,
School of Advanced Studies in the Humanities,
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Russia, 119571, Moscow, Prospect Vernadskogo, 84
Tel.: .: +7 (499) 956-96-47
E-mail: vmilchina@gmail.com

Abstract. The following paper is an abstract from a soon to be published monograph, *Parisians on themselves and their city: "Paris, or The Book of a Hundred and One (1831–1835)*. The book includes translations of 15 essays from this edition. One of those, "A flâneur in Paris", laid down the basis for a new understanding of *flâneur*. While until the late 1820s this word would have been used to denote an ordinary rubbernecker, loitering around the town and looking around but never reflecting on what he sees, in the early 1830s several texts emerged, which contrasted *flâneur* with to a rubbernecker (*badaud*, *musard*): a flâneur is portrayed as an interpreter of surrounding reality, "a semiologist avant la lettre". True enough, the flâneur himself writes nothing; yet some authors present their works as transcripts of tales and observations by a flâneur. The introduction to these texts, and to the published essay from *The Book of a Hundred and One* in particular, enables us to specify the — rather negativistic — interpretation of flâneur put forward by Walter Benjamin.

Keywords: Paris, flâneur, *Paris or The Book of a Hundred and One*, Charles Baudelaire, Walter Benjamin

References

Aldéguier, J.-B.-A. d' (1826). *Le Flâneur… par un habitué du boulevard de Gand*. Paris: Chez tous les marchands de nouveautés. (In French).

Bal'zak, O. de [= Balzac, H. de] (1951–1955). *Sobranie sochinenii* [Collected works] (Vols. 1–15). Moscow: GIKhL. (In Russian).

Bal'zak, O. de. (2017). *Melkie nepriiatnosti supruzheskoi zhizni* [Trans. from. Balzac, H. de. (1846). *Petites misères de la vie conjugale*. Paris: Chlendowski]. V. A. Mil'china (Trans., Intro., Notes). Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.

Bazin, A. (1833). *Époque sans nom: esquisses de Paris 1830–1833* (Vols. 1–2). Paris: A. Mesnier. (In French).

Benjamin, W. (1991). *Gesammelte Schriften* (Vol. 5, Part 1). Frankfurt am Main: Suhrkamp. (In German).

Bodler, Sh. (1986). *Ob iskusstve* [On art; Trans. from Baudelaire, Ch. (1976). *Œuvres complètes* (Vol. 2). Paris: Gallimard]. Moscow: Iskusstvo. (In Russian).

Burton, R. D. E. (1994). *The flaneur and his city: Patterns of daily life in Paris, 1815–1851*. Durham, England: Univ. of Durham.

Chaudon L.-M. (1806). *Dictionnaire universel, historique, critique et bibliographique…* (Vol. 6). Paris: Mame. (In French).

Ferguson, P. P. (1997). *Paris as revolution: Writing the Nineteenth-century city*. Berkeley: Univ. of California Press.

Gluck, M. (2003). The flâneur and the aesthetic: Appropriation of urban culture in mid-19th-century Paris. *Theory, Culture and Society, 20*(5), 53–80.

D'Hautel, Ch.-L. (1808). *Dictionnaire du bas-langage, ou, Des manières de parler usitées parmi le peuple…* (Vol. 1). Paris: D'Hautel. (In French).

Lauster, M. (2007). *Sketches of the Nineteenth century: European journalism and its physiologies, 1830–50*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Les Français peints par eux-mêmes; encyclopédie morale du dix-neuvième siècle (1840–1842) (Vols. 1–9). Paris: Curmer. (In French).

Loubier, P. (2001). Balzac et le flâneur. *Année balzacienne, 2*(1), 141–166. (In French).

Montandon, A. (2006). Pour une socio-poétique de la flânerie. In A. Montandon (Ed.). *Promenades et écriture*, 93–106. Clermont-Ferrand: CRLMS. (In French).

Nemirovskii, A. (Ed.) (1995). *Malye rimskie istoriki. Vellei Paterkul. Rimskaia istoriia. Annei Flor. Dve knigi Rimskikh voin. Lutsii Ampelii. Pamiatnaia knizhitsa* [Minor Roman historians. Velleilis Paterculus. *Historia Romana*. L. Annaeus Florus. *Bellorum Romanorum Libri Duo*. L. Ampelius. *Liber Memorialis*]. Moscow: Ladomir, 1995.

Nesci, C. (2007). *Le flâneur et les flâneuses: les femmes et la ville à l'époque romantique*. Grenoble: ELLUG. (In French).

Niépovié, G. (1840). *Études physiologiques sur les grandes métropoles de l'Europe occidentale*. Paris. Paris: Charles Gosselin. (In French).

Paris, ou le Livre des Cent-et-un (1831–1835) (Vols. 1–15). Paris: Ladvocat. (In French).

Rokamora, A. (2017). *Odevaia gorod: Parizh, moda i media* [Trans. from Rocamora, A. (2009). *Fashioning the city: Paris, fashion and the media*. London; New York: I. B. Tauris]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Sieburth, R. (1985). Une idéologie du lisible: le phénomène des "Physiologies". *Romantisme*, *15*(47), 39–60. (In French).

Stiénon, V. (2012). *La littérature des physiologies: sociopoétique d'un genre panoramique (1830–1845)*. Paris: Classiques Garnier. (In French).

Stierle, K. (2001). *La capitale des signes. Paris et son discours* [Trans. from Stierle, K. (1993). *Der Mythos von Paris. Zeichen und Bevusstsein der Stadt*. Munich: Carl Hanser Verlag]. Paris: Éditions de la Maison des Sciences de l'homme. (In French).

Venediktova, T. D. (2018). *Literatura kak opyt, ili "Burzhuaznyi chitatel'" kak kul'turnyi geroi* [Literature as an experience, or the "bourgeois reader" as cultural hero]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Volchek, O. (2017). Topologiia goroda i povestvovatel'nye maski u Po, Bodlera, Dostoevskogo [Topology of the city and narrative masks in Poe, Baudelaire, Dostoevsky]. In S. Fokin, A. Urakova (Eds.). *Po, Bodler, Dostoevskii: Blesk i nishcheta natsional'nogo geniia* [Poe, Baudelaire, Dostoevsky: Brilliance and poverty of the national genius], 68–78. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie. (In Russian).

Wrigley, R. (2014). *The Flâneur abroad: Historical and international perspectives*. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Publishing.

To cite this article:

Milchina, V. A. (2018). Flaner v Parizhe [The Flâneur in Paris]. *Shagi / Steps, 4*(3), 231–246. (In Russian).

Received March 8, 2018